

*А.Г. АЙРАПЕТОВ*

## **Поиск национальной идентичности в славянском мире (О книге С. Романенко)**

В тексте рассматривается предлагаемая историком-славистом С. Романенко концепция исследования проблем российско-югославских отношений в XX в. Особое внимание уделяется роли правящей элиты двух стран в формировании и осуществлении внешней политики на Балканах.

**Ключевые слова:** интернационализм, национализм, славянское братство, советско-югославский конфликт.

The article considers a case study concept of problems of Russian(Soviet)-Yugoslav relations in XX century, proposed by S. Romanenko – a historian-slavist. Special consideration is paid to the role of the countries' ruling elites in the Balkan area foreign policy formation and fulfillment.

**Keywords:** internationalism, nationalism, Slavic brotherhood, Soviet-Yugoslav conflict.

Идущая от эпохи Просвещения тенденция рационализации всех сфер общественной жизни, включая политику, преодолевала сопротивление иррационального: предрассудков, начетничества, догматизма, стереотипов мышления. И история российско- и советско-югославских отношений дает немало поводов поразмыслить над такими серьезными вопросами, как, например, объективные предпосылки и условия развития отношений между странами в контексте этнополитических конфликтов в Центральной и Юго-Восточной Европе. Не меньший интерес представляет и проблема многоликости проявлений субъективного начала в межгосударственных двусторонних отношениях. Интеллектуальный уровень и идейно-мировоззренческий диапазон высших руководителей и их ближайшего окружения, состав привлекаемых экспертов, реальный уровень политической культуры верхов – все эти факторы в различной мере определяют качество принимаемых на высшем уровне политических решений. Точно так же рождение и становление на постсоветском и постъюгославском пространствах новых национальных государств с существенно иными социально-экономическими, политическими и идеологическими основами обуславливает сдвиги в общественном сознании, в частности в историографии. В данной связи недавно вышедшая монография историка-слависта С. Романенко [Романенко, 2011] предоставляет прекрасную возможность как для научного переосмысления социалистического прошлого не только Балканского региона, но и нашей страны, так и для того, чтобы избавиться от многих привычных штампов, традиционно сопровождающих югославскую тематику.

Насколько “искрит” проблемное поле изучаемого автором книги региона, дают представление споры, например, о такой в целом академической проблеме, как поддер-

жание социально-политической стабильности в полиэтнической Австро-Венгерской империи. Несмотря на отдельные шаги в направлении федерализации империи (компромисс 1867 г. между Австрией и Венгрией, венгеро-хорватское Соглашение 1868 г., предоставление большой самостоятельности Галиции и Буковине и др.), централизация оставалась доминантой государственно-административной политики Габсбургов. Политическое кредо предпоследнего императора Австро-Венгрии Франца Иосифа I не полно, но выразительно заключалось в словах, которые он часто повторял своему начальнику генерального штаба К. фон Гетцендорфу: “Представьте, монархией невозможно управлять по конституции” (см. [Айрапетов, 1999; 2004]). Естественно, сепаратистские тенденции в Венгрии, Чехии, Словакии, Галиции и землях южных славян сохранялись, и поражение дунайской империи в войне 1914–1918 гг., став мощным ускорителем центробежных процессов, обернулось ее крахом.

Такова в общих чертах фактологическая канва, вызывающая острые споры. Ряд американских и британских исследователей – И. Деак, Б. Елавич, Ф. Бридж, А. Скед [Bridge, 1990; Sked, 1989; Jelavich, 1987; Deak, 1990; Яси, 2011], а также российский ученый Т. Исламов [Исламов, 1995; 2001<sup>a</sup>; 2001<sup>b</sup>] считают доказанным наличие некоего позитивного опыта Австро-Венгрии в деле регулирования межэтнического взаимодействия. А американский историк С. Вэнк, соглашаясь с тем, что прежние резко негативные оценки монархии Габсбургов как “тюрьмы народов” были явным преувеличением, одновременно полагает, что успехи в культуре и образовании в Австро-Венгрии и ее экономический рост блокировались архаичной имперской политической системой. Данный вывод основывается на западных политологических теориях империи как особой формы политической структуры, в которую имманентно заложен механизм распада. Поэтому австро-венгерское Соглашение 1867 г. интерпретируется как иллюзия стабильности, за которую была заплачена непомерно высокая цена: отчуждение большинства славян и нейтрализация всех последующих усилий по реформированию структур монархии [Вэнк, 1995, с. 16–17].

В книге Романенко данные сюжеты играют, по сути, роль предыстории. Однако концепция автора, увязывающая сложную проблему стабильности многонационального государства с вопросами о возможностях его самореформирования и учитывающая влияние внешнеполитических обстоятельств, позволяет выйти за рамки риторического спора о жизнеспособности/нежизнеспособности империй. На рубеже XIX–XX вв. национальные проблемы Австро-Венгрии переплетались с социальными и оказывались тесно взаимосвязанными с геополитическими и военно-стратегическими целями и планами великих держав и малых государств Европы. Сохранение и целостность Габсбургской монархии при наличии двух сильных соседей на западных и восточных ее границах – Германии и России, было для подавляющего большинства населявших дунайскую империю народов вопросом жизни и смерти. Сепаратистские тенденции в предвоенную эпоху достаточно отчетливо прослеживались лишь в национально-освободительном движении югославян. Вместе с тем лояльное отношение к монархии, свидетельством которого было общеимперское сознание (*Gesamtstaatsbewusstsein*), не снимало с повестки дня вопроса о реорганизации дуалистической монархии на федеративных началах как единственно возможного пути ее сохранения в качестве “общего дома”.

Куда больше дискуссий возникает при рассмотрении политических перипетий российско-югославских отношений – теме, весьма болезненно воспринимаемой российским общественным сознанием. Известно, что политика – выражение и реализация социально-групповых интересов. Всегда ли адекватно осознавались интересы России на Балканах в отношении южных славян? Каково было в российско-южнославянских связях соотношение идеологии и *Realpolitik* (геополитики, преследования экономической выгоды)? Отмеченная выше рационализация общественной жизни в индустриальную эпоху изменяла это соотношение в пользу *Realpolitik*, хотя в начале XX в. идеологические компоненты внешней политики – монархическая солидарность и лозунг славянского единства – сохраняли свою роль в качестве инструмента про-

паганды. Этноконфессиональная близость русских и сербов способствовала мобилизации фронтовиков в начальный период Первой мировой войны, но ее затягивание девальвировало этнический эффект “славянского фактора” и временно усиливало интернационалистскую идеологию и психологию среди славян.

В российской историографии по разным причинам практически отсутствовали работы, в которых с исторической точки зрения и методами, свойственными исторической науке, а не идеологии, анализировалось бы формирование и поэтапное развитие национально-государственных и внешнеполитических концепций российских социал-демократов – не только большевиков, но и меньшевиков. К публицистике одних авторов (В. Ленин, И. Сталин) нельзя было подойти с позиций критики источника; публицистические статьи, аналитические статьи и брошюры других (Л. Троцкий, Г. Зиновьев, Л. Каменев, А. Потресов, Ю. Мартов и др.) находились под запретом или забылись. Между тем отношение социал-демократов к славянской и югославянской проблеме, а также к внутренней и внешней политике Австро-Венгрии в начале XX в. сыграло большую роль в разработке ими новых принципов и концепций национально-государственных интересов, безопасности и внешней политики. Эти принципы с октября 1917 г. стали основой внешней политики большевиков и созданного в 1919 г. Коминтерна. Этнические процессы, прежде всего процесс национального самоопределения, по мнению как “революционеров”, так и “ревизионистов”, должны были сыграть вспомогательную роль в социальном преобразовании общества во всемирном масштабе. Самостоятельных сути и значения в глазах большевиков национальный вопрос не имел. Однако внешнеполитические концепции российской социал-демократии основывались не только на зачастую упрощенном и прямолинейном понимании соотношения “классового–национального”. Будучи воспитанниками-недоучками императорских гимназий, университетов и институтов, большевики сумели впитать в себя имперскую идеологию и психологию, соединив ее с идеей “мировой революции”, точнее – с целесообразностью создания крупных государств, которые объективно не могли не быть полиэтничными. Впоследствии, в 1930–1950-е гг. именно эта внешне парадоксальная, но исторически обоснованная смесь легла в основу советской внешней политики, которая в редуцированном виде продолжалась и впоследствии, вплоть до распада СССР. Естественно, одним из объектов такой политики были страны Средней Европы и Балкан. Именно она стала одной из причин начавшегося в 1948 г. советско-югославского конфликта, на самом деле закончившегося только в 1990–1992 гг. – с исчезновением и КПСС, и Союза коммунистов Югославии, а смотря шире – СССР и Югославии.

К упомянутым выше противоречивым постулатам (пролетарский интернационализм, мировая революция и национальное самоопределение) восходило идеологическое наполнение официальной политики Советской России в отношении возникшего в 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославии). Осуществляя свой курс, большевики в 1920-е гг. ориентировались на сербскую революционную организацию “Черная рука”, КПЮ и хорватское национальное движение. После прихода к власти А. Гитлера отношение Кремля к Югославии трансформировалось – от поддержки линии на национальное самоопределение южнославянских народов и курса на распад страны – к сохранению ее целостности. Подтверждением этому служит установление в 1940 г. дипломатических отношений между СССР и Югославией. В войне против нацистской Германии и ее союзников одним из инструментов мобилизации населения стала, как и на рубеже XIX–XX вв., “славянская идея”. В годы Второй мировой войны Москва сделала ставку на идеологического союзника – лидера КПЮ И. Броз Тито.

Заслуживает внимания осмысление С. Романенко советско-югославского конфликта 1948–1953 гг. не просто как результата разного понимания лидерами двух стран самостоятельности в проведении внутренней и внешней политики. Следует учесть, что вокруг этого конфликта разворачивалась борьба группировок в Кремле за влияние на власть. Постсталинское руководство в 1953–1960 гг. не в последнюю очередь под

влиянием советско-китайского конфликта не хотело возвращения острой конфликтной фазы в отношениях Москвы и Белграда. Более того, вопреки сохранявшимся разногласиям в вопросах социалистического строительства, в 1971 г. руководство КПСС и СССР выступило на стороне Броз Тито против реформаторских движений в Союзах коммунистов Хорватии, Словении и самой Сербии. Такая поддержка способствовала установлению “стабильности” в Югославии, которая, однако, не была калькой брежневского “застоя”.

В перестроечный период советское руководство во главе с М. Горбачевым заявило об отказе от “доктрины Брежнева”, о признании разнообразия путей развития социализма, но это только на короткое время продлило жизнь советского и югославского государств. В условиях соблюдения принципа невмешательства во внутригосударственные дела произошел самораспад обеих федераций. Интернационализм уступил место национализму. Не сработал и концепт “славянского братства”: из состава СССР вышли в качестве самостоятельных национальных государств Россия, Украина и Белоруссия. А Югославия, пусть медленнее, также распалась на национально-государственные образования.

Вспомнив эти факты, целесообразно вслед за Романенко задаться вопросом, почему и интернационализм, и национализм могли способствовать развитию как центристских, унитарно-федеративных, так и центробежных, сепаратистско-суверенизаторских тенденций? Заложенный в идеологии, конституциях, международных договорах принцип равноправия подпитывал естественное стремление двух государств к гегемонии на Балканах. Каждая из стран желала быть “равнее равных”, что актуализировало конфликтотенный потенциал “интернационализма” и “славянского братства”. Из исторического опыта бывших СССР и СФРЮ явствует, что лозунг “славянского братства” пользуется наибольшей привлекательностью в национально-радикальных кругах, готовых применить насилие. Это вызывает противодействие других нетитульных, считающих себя ущемленными славянских и неславянских народов.

Ныне на геополитическом и ментально-культурном пространстве Средней Европы (куда принято включать постсоциалистические славянские государства, Албанию, Венгрию, Румынию) национально-суверенизаторские движения демонстрируют прагматизм в отношении своего великого восточного соседа. С одной стороны, они стремились и стремятся использовать вес и силу России для обеспечения собственных интересов, зачастую за счет соседних средневропейских стран, а с другой – всячески противились доминированию своего “покровителя”. Даже пророссийские (просоветские) политики региона не готовы были поступиться своими групповыми, национальными интересами ради державных планов Москвы. В свою очередь Кремль не приветствовал тесное региональное сотрудничество, заключение военно-политических союзов и создание экономических сообществ между государствами Средней Европы. Эти обстоятельства служат подтверждением объективного характера советско-югославского конфликта. Закономерной в этом смысле была и трагедия репрессированных коммунистических руководителей стран “народной демократии”. Вместе с тем диалектика противоборства “Сталин–Тито” заключалась в том, что разрыв двусторонних отношений способствовал демифологизации миролюбивой, интернационалистической советской внешней политики и переводу ее в более рационалистическое, прагматичное русло. И трудно не согласиться с выводом Романенко, что советско-югославский конфликт был одним из самых острых и значительных проявлений закономерности развития социалистического лагеря как замкнутой, не терпящей инакомыслия и альтернативных взглядов системы, рано или поздно обреченной на стагнацию и кризис.

Идеологическая и политическая эмансипация народов Средней Европы на рубеже XX–XXI вв. (революции и постреволюционные кардинальные реформы) сопровождалась трансформацией их самосознания (точнее, самосознания большинства народа) в общеевропейское с одновременным усилением мононационального ядра идентичности (сербизм, кроатизм и т.п.). При этом часть сербской политической элиты апеллирует к идее принадлежности своей страны к региону Восточной Европы с ориентацией

на постсоветскую Россию. Иначе говоря, многоуровневый характер регионального самосознания южнославянских народов, включающего в себя общеевропейский, средневропейский, балканский, югославистский и моноэтнический пласт самоидентификации, очевиден. Так что политика правящего слоя России, если она претендует на отстаивание интересов нашей страны, должна строиться с учетом именно этой мировоззренческой многополярности и многослойности.

Особого внимания заслуживает вопрос о роли высших руководителей СССР и Югославии в моделировании и регулировании двусторонних отношений. Личные черты характера Сталина и Броз Тито играли, по оценке Романенко, огромную роль в их взаимоотношениях, сказываясь на межгосударственных связях. Меньшее воздействие на ситуацию оказывало взаимовосприятие Броз Тито и Н. Хрущева, а затем Л. Брежнева. Указанная динамика взаимоотношений определялась не только разными масштабами личности Сталина, Броз Тито и их преемников, но и изменявшимися общественно-историческими условиями. “Твердый” тоталитаризм сталинского периода сменился “размягченным” в годы хрущевской “оттепели” и брежневского “застоя” авторитаризмом. Аналогично, не избежал дряхления и авторитаризм Броз Тито.

Хотя окончательное прощание с конфликтом “Сталин–Тито” произошло при Горбачеве и преемниках югославского лидера и было зафиксировано в советско-югославском Заявлении 1988 г., но к тому времени модернизационный потенциал позднеиндустриального социализма и унитарной федерации в СССР и Югославии оказался исчерпанным. В развивающемся информационном обществе так и не появилась привлекательная модель социализма. Помня о колоссальных жертвах строительства советского административно-командного и югославского самоуправленческого (в действительности, режима личной власти, опиравшегося на общегосударственную карательную систему) социализма в обеих странах, правомерно вслед за Романенко утверждать, что и Сталин, и Броз Тито несут историко-политическую ответственность за судьбу созданных ими государств.

Имеет, однако, смысл, соблюдая принцип историзма, оценивать вождей в интерьере их эпохи, как порождение своего времени. Ведь оба диктатора не были “философами на троне”. Следует также помнить, что в развитие двусторонних отношений свой “вклад” вносила партийно-государственная бюрократия, в период правления коммунистических партий фигурировавшая под названием “аппарат” или “номенклатура”. По наблюдениям автора книги, бюрократические “аппараты” устраивала конфликтная ситуация: из нее они извлекали собственную политическую выгоду, доказывая свою нужность в деле манипулирования и мобилизации населения своих стран.

В заключение стоит коснуться еще одной болезненной проблемы – проблемы постсоциалистической трансформации обществ. В современной научной, а особенно публицистической литературе представлен веер интерпретаций событий рубежа 1980–1990-х гг. как в СССР, так и в Средней и Восточной Европе. В частности, распад тогдашних форм государственности в Югославии истолковывают как: революции южнославянства; цепь национальных революций; крах социалистического эксперимента; демократическая революция, свергнувшая авторитарные режимы коммунистических партий и заменившая “народную”, “самоуправленческую” демократию парламентской системой; смена политических элит; победа центробежной сепаратистской тенденции национального самоопределения над целостностью полиэтнического государства. Живучей и отчасти востребованной оказалась и концепция “заговора из-за рубежа”. Поэтому позиция Романенко, согласно которой в СССР и Югославии происходили одновременно социальная и национальная революции, помогает деконструкции иррациональных конспирологических версий. Просто нужно понять, что национальные революции в обеих странах быстрее решили свои непосредственные задачи. Социальная же революция измеряется более продолжительным временем (скажем, в бывшей Югославии обе упомянутые революции осуществились только в Словении).

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айрапетов А.Г.* Историческая судьба Австро-Венгрии // Вопросы истории. 1999. № 1.
- Айрапетов А.Г.* От империи Габсбургов к идее Дунайской конфедерации // Вопросы истории. 2004. № 2.
- Вэнк С.* Династическая империя или многонациональное государство: размышления о наследии империи Габсбургов в национальном вопросе // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. М., 1995.
- Исламов Т.М.* Австро-Венгрия в Первой мировой войне // Новая и новейшая история. 2001<sup>а</sup>. № 5.
- Исламов Т.М.* Империя Габсбургов. Становление и развитие. XVI–XIX вв. // Новая и новейшая история. 2001<sup>б</sup>. № 2.
- Исламов Т.М.* Конец средневропейской империи. Размышления относительно места и роли империи Габсбургов в европейской истории // Австро-Венгрия: опыт многонационального государства. М., 1995.
- Романенко С.А.* Между “пролетарским интернационализмом” и “славянским братством”. Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало XX в.–1991 г.). М., 2011.
- Яси О.* Распад Габсбургской монархии. М., 2011.
- Bridge F.R.* The Habsburg Monarchy among the Great Powers, 1815–1918. New York, 1990.
- Deak I.* Beyond Nationalism: a Social and Political History of the Habsburg Officer Corps, 1848–1918. New York, 1990.
- Jelavich B.* Modern Austria: Empire and Republic, 1800–1986. New York, 1987.
- Sked A.* The Decline and Fall of the Habsburg Empire, 1815–1918. London, 1989.

© А. Айрапетов, 2013